

представления о терапевтических школах и приемах работы, за всем этим стояла совсем другая философия и психология человека, отличная от отечественной. Главными принципами общепсихотерапевтической подготовки западных специалистов, которая была их общим объединяющим началом, являлись: понимание сущности внутреннего психологического конфликта, видение степени и форм личностной нарушенности, понимание в той или иной форме того, какие психологические компромиссные образования участвуют в построении баланса и, главное, умение с ними работать. При этом приемы работы различались в зависимости от подходов: работа с эмоциональными состояниями, поведением, ситуациями, процессом рассуждений и т.д.

Необходимо было выстроить в обучающей концепции общепсихотерапевтическую теорию, сохраняя при этом роль личностного роста и практические навыки работы. Как исторически в ходе развития психотерапии сначала были созданы метод и теория психоанализа, задавшие парадигму и определившие сам предмет работы и все рабочие понятия современной психотерапии, так и в учебной концепции АШПП психоанализ был центральной дисциплиной, обслуживающей методологию всего учебного процесса. Параллельно разрабатывались и другие психотерапевтические дисциплины, задача которых состояла в том, чтобы сформировать способность видения и чувствования ключевых психологических проблем. Были необходимы переходы от демонстрации самого метода к различным областям его применения. Так возникло отделение семейной терапии, а также дополнительные дисциплины: основы психодинамической психотерапии, современные концепции психотерапии, практические тренинги навыков взаимодействия, психологического наблюдения, сензитивности, семинары по проблемам первичного приема и интервью, "горю и гореванию", работе с жертвами насилия, тренинги работы с кризисными переживаниями. Параллельно шло развитие круга дисциплин, связанных с диагностикой, клинической практикой и работой над практическими навыками. Отдельной частью блока дисциплин являются тренинги практических навыков взаимодействия с клиентами в различных ситуациях и с разными типами клиентов. Поскольку в непсихоаналитических подходах существует также огромное множество методов работы с клиентами-пациентами, в рамках учебных дисциплин есть место для знакомства с такими школами, как психодрама, телесная терапия, арт-терапия, юнгианская аналитическая терапия, ге-

штальт и ряд других, объединенных в общий блок навыков консультирования или краткосрочной психотерапии. Пока рано говорить о разработанной концепции образования, но уже видна необходимость ее завершения. Практика 9-ти лет существования такого учебного заведения выявила круг основных проблем, с которыми, по-видимому, сталкиваются многие. К ним относятся вопросы общей методологии учебной концепции, практика выстраивания предметов и циклов таким образом, чтобы они органично дополняли и продолжали друг друга, связь учебных дисциплин с клинической практикой, внутригрупповая динамика в ходе учебного процесса, стадии личностно-профессионального роста студентов, переход от клиентской позиции к профессиональной, развитие мотивации к дальнейшему обучению, а также проблемы дальнейшего профессионального роста выпускников.

Поступательное развитие психоаналитической психотерапии в России и конкретно в Москве, постоянное увеличение числа переводимой литературы, появление новых специалистов сделало возможным при этом организацию еще одной трехлетней, более продвинутой, программы по психоаналитической психотерапии на базе первой общепсихотерапевтической. Поэтому АШПП была переименована в "Институт практической психологии и психоанализа" (сокращенно ИППиП), что гораздо более соответствовало сути внутренней структуры учебного заведения. В настоящее время в ИППиП работает базовая программа, дающая общую подготовку по психотерапии и консультированию, а также несколько направлений специализации: главные – психоаналитическое, семейное и новые – юнгианской аналитической психологии, телесно-ориентированной, организационно-управленческой психологии. При этом в рамках учебного процесса существует отдельная программа по получению диплома психолога бакалавра и специалиста, рассчитанная на прохождение ряда академических дисциплин, дипломную работу и сдачу госэкзамена.

В Институте существует заочное отделение, где те же учебные программы распределены на большие отрезки времени. Эта форма обучения рассчитана на людей, живущих не в Москве. Кроме того, при Институте существует психологическая консультация, где работают его преподаватели и выпускники. По поводу обучения в ИППиП можно обращаться по адресу: 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, тел.: (095) 282-11-14, факс: 282-74-06; e-mail: ippf pfr@psychol.ras.ru

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ПСИХОЛОГИЯ СВОБОДЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ ЛИЧНОСТИ*

© 2000 г. Д. А. Леонтьев

Канд. психол. наук, доцент ф-та психологии МГУ, Москва

Намечаются пути решения проблемы психологических механизмов самодетерминации, лежащих в основе свободы человека. Анализируется дилемма свободы–детерминизма применительно к поведению человека. Дается краткий обзор основных подходов к проблеме в зарубежной и отечественной психологии. Рассмотрен ряд узловых аспектов проблемы свободы и самодетерминации, таких, как трансценденция, разрывы детерминации, осознание, инструментальные ресурсы свободы, ценностная основа свободы.

Ключевые слова: свобода, самодетерминация, автономия, субъектность, выбор.

Самодетерминация личности не относится к числу традиционных тем академической психологии. Сложность, философская “отягощенность” этой проблемы, опасность соскальзывания научного анализа в публицистику при ее рассмотрении явились причиной того, что она стала входить в поле зрения психологии лишь с начала 40-х гг. нашего столетия начиная с классической книги Э. Фромма (E. Fromm) “Бегство от свободы” [21] (см. также [20, 41, 43]). Несколько десятилетий данная проблема рассматривалась преимущественно экзистенциально ориентированными авторами, книги которых получали широкую известность, но мало влияли на основное русло академической психологии личности. Лишь с 80-х гг. проблемой самодетерминации (под разными названиями) стала серьезно заниматься академическая психология на Западе; наиболее разработанными и известными являются теории Р. Харре (R. Harre), Э. Деси (E. Deci) и Р. Райана (R. Ryan) и А. Бандуры (A. Bandura). В советской психологии эта проблема не изучалась сколько-нибудь серьезно; сейчас, после перестроечного публицистического периода, она вполне закономерно начинает привлекать к себе внимание все большего числа исследователей [1, 6, 8 и др.]. Тем не менее на сегодняшний день мы находимся на начальной стадии изучения психологических основ самодетерминации.

Данная статья носит по преимуществу постановочный характер. Сначала попытаемся максимально конкретно сформулировать саму проблему и задать основные понятия в их соотношении друг с другом. Затем дадим обзор основных подходов к проблеме свободы и самодетерминации

личности в мировой психологии. В заключение наметим ряд теоретических гипотез и частных проблем, образующих составные части общей проблемы самодетерминации.

ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ СВОБОДОЙ И ДЕТЕРМИНИЗМОМ

В науках о человеке дилемма свободы–детерминизма применительно к человеческим действиям на протяжении многих столетий являлась одной из центральных, хотя содержание обоих этих понятий существенно менялось. Исторически первой версией детерминизма было представление о судьбе, роке, божественном предначертании. Соответственно проблема свободы в философии и теологии вставала в связи с проблемами воли (“свобода воли”) и выбора (“свобода выбора”). С одной стороны, понятие божественного предначертания не оставляло места индивидуальной свободе, с другой – тезис о богоподобии человека, его божественной природе (“по образу и подобию”) предполагал возможность человека влиять на свою судьбу. Последний тезис отстаивали, в частности, многие мыслители Возрождения, опровергавшие взгляд на человека как на игрушку в когтях судьбы. Эразм Роттердамский [25] в трактате “О свободе воли” утверждал, что человек свободен в выборе пути греха либо пути спасения. Бог может даровать человеку спасение, но за человеком остается выбор, желает ли он быть спасенным, препоручить себя Богу.

В европейской философии и науке Нового времени в связи с успехами естественнонаучного изучения человека встала проблема детерминации человека его телесностью, психофизиологической организацией, механизмами и автоматизмами поведения. Проблема свободы получила но-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 98-06-08186).

вый импульс в контексте проблемы разума, возможности осознания того, что влияет на человеческое поведение.

Для нашего столетия характерно осознание новой разновидности детерминизма – детерминации сознания и поведения объективными условиями существования, социальным и культурным окружением, “общественным бытием” (К. Маркс) и “общественным бессознательным” (Э. Фромм) [22]. Чрезвычайно важный ракурс проблемы свободы раскрыл Ф. Ницше (F. Nietzsche) [14], принадлежавший хронологически к XIX в., но идейно – к XX. Он первым поставил проблему самотрансценденции человека – преодоления себя как фактической данности, прорыва в сферу возможного. Ницше также первым противопоставил негативной характеристике “свободы от” позитивную характеристику “свободы для”. В работах философов-экзистенциалистов, в первую очередь Ж.-П. Сартра (J.-P. Sartre) [18] и А. Камю (A. Camus) [5], философское рассмотрение свободы было во многом психологизировано. Свобода предстала как тяжкое бремя, порой непереносимое, порождающее пустоту, экзистенциальную тревогу и стремление к бегству. Последнее стало предметом упомянутого исследования Э. Фромма “Бегство от свободы”.

В психологии с начала столетия произошло размежевание проблемы воли, понимаемой как произвольное управление поведением на основе сознательных решений, и проблемы собственно свободы, которая была надолго отодвинута на периферию психологии. Время от времени она поднималась в общетеоретическом контексте в виде уже не оппозиции “свобода–детерминизм” (поскольку психологов, отрицающих ту или иную детерминированность поведения, в нашем столетии не нашлось), а как противопоставление постулатов “жесткого детерминизма”, предполагающего, что детерминация психических процессов и поведения носит всеобщий характер и не оставляет места для реальной свободы, и “мягкого детерминизма”, имеющего в виду наличие среди детерминированных процессов некоторого пространства свободы (см. обзорные работы [49–51]). Один из примеров “жесткого детерминизма” является собой точка зрения П.В. Симонова, который объявляет свободу иллюзией, возникающей благодаря тому, что мы не осознаем полностью всех влияющих на нас детерминант. С точки зрения же внешнего наблюдателя, человек полностью детерминирован в своем выборе [19, с. 78–79]. Интересно, что это мнение находится в противоречии с закономерностью, известной в психологии как “фундаментальная ошибка атрибуции” [44]: люди склонны переоценивать влияние внешних факторов на поведение, находясь в позиции “субъекта” этого поведения, и недооценивать

его, оценивая чужое поведение с позиции внешнего наблюдателя.

Крайними вариантами “жесткого детерминизма” считаются психоанализ З. Фрейда, рассматривающий человека как целиком обусловленного его прошлым, и необихевиоризм Б. Скиннера (B. Skinner), утверждающий возможность и необходимость тотального контроля и управления всем человеческим поведением через специально организованную систему стимулов. Вместе с тем даже по поводу фрейдизма есть и иные мнения. Так, М. Итурате (M. Iturrate) утверждает, что психоанализу присуща направленность на утверждение свободы. Человек обретает ее благодаря тому, что создает смыслы, которыми руководствуется в своем поведении, выходя тем самым из сферы влияния природных закономерностей [37]. Близкую позицию занимает видный психоаналитик Р. Холт (R. Holt), по мнению которого свобода и детерминизм не противоречат друг другу [36]. Он также считает главной заслугой Фрейда раскрытие смысловой основы поведения (см. об этом подробнее [7]). Бихевиористская позиция также не обязательно предполагает “жесткий детерминизм” скиннеровского типа. Именно в рамках необихевиоризма были сформулированы некоторые версии “мягкого детерминизма”, связывающие присущую человеку определенную степень свободы с независимостью от текущей ситуации [35] или с целями, спроецированными в будущее [26]. Эти аргументы, как и другие, например объясняющие свободу через опору на личные мотивы и ценности [36], ограничиваются, однако, отдельными элементами свободы выбора в конкретной ситуации и не имеют отношения к свободе как базовой антропологической характеристике человека, тем более что развернувшиеся в послевоенный период исследования процессов выбора и принятия решения на разных уровнях “развели” проблематику выбора и собственно свободы.

Выбор есть конкретный акт, который может быть зафиксирован внешним наблюдателем. Он локализован во времени; между двумя актами выбора может пролегать пространство, в котором никакие выборы не осуществляются, хотя в любой момент времени, когда присутствует рефлексия ситуации, возможен и выбор. Нет безальтернативных ситуаций; в то же время необходимым условием построения изначально неочевидных альтернатив является работа по рефлексивному осознанию ситуации. Там, где рефлексия не включена, выбора действительно может не быть. Выбор – сложно организованная деятельность, осуществляемая на разных уровнях сложности и неопределенности ситуации (см. [10]).

Свобода, напротив, феноменологически представляет собой некоторое базовое состояние, относящееся более к возможности, чем к акту ее

осуществления, конкретному событию. Если я испытал свободу, то тем самым уже обрел ее. “Свобода производит... свободу” [11, с. 365]. Если сущностью свободы выступает контроль над своей активностью во всех точках ее траектории [8], то она есть как в точках выбора, так и в промежутках между ними, причем сам выбор осуществляется либо свободно (если он может быть изменен), либо нет (если он жестко определен). “Синоним свободы – это жизнь... Живое ведь отличается от мертвого тем, что живое всегда может быть иным” [12, с. 10]. Свобода и личностный выбор, таким образом, не одно и то же, хотя они тесно взаимосвязаны и подкрепляют друг друга. “Свобода кумулятивна; выбор, включающий в себя элементы свободы, расширяет возможность свободы для последующего выбора” [41].

Сделаем теперь небольшой обзор основных подходов к проблеме свободы и самодетерминации в современной психологии.

ПСИХОЛОГИЯ СВОБОДЫ И САМОДЕТЕРМИНАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Понятия “свобода” и “самодетерминация” очень близки. Понятие свободы описывает феноменологически переживаемый контроль над своим поведением, используется для глобальной антропологической характеристики человека и его поведения. Понятие самодетерминации используется как объяснительное на собственно психологическом уровне рассмотрения “механизмов” свободы. При этом следует различать самодетерминацию, с одной стороны, и саморегуляцию или самоконтроль – с другой. В последнем случае регуляторами могут выступать интроецированные нормы, конвенции, мнения и ценности авторитетных других, социальные или групповые мифы и т.п.; контролируя свое поведение, субъект не выступает его автором, как при подлинной самодетерминации.

В отличие от Г.А. Балла [1], мы включаем в наш обзор только *эксплицитные* концепции свободы и самодетерминации, оставив за его пределами многочисленные отечественные и зарубежные подходы, которые *можно интерпретировать как имеющие отношение к механизмам самодетерминации*.

Из двух аспектов свободы – внешнего (отсутствие внешних ограничений, “свобода от”) и внутреннего (психологическая позиция, “свобода для”) – мы выбрали предметом анализа второй. Иногда при этом используются уточняющие определения (“психологическая свобода”, “внутренняя свобода”), иногда они опускаются, поскольку первый аспект, больше имеющий отношение к

социально-политической проблематике, мы не рассматриваем вовсе.

Проблема свободы получила наиболее полное содержательное раскрытие в 60–80-е гг. у ряда экзистенциалистски ориентированных авторов, таких, как Э. Фромм, В. Франкл (V. Frankl), Р. Мэй (R. May) и др., а в 80–90-е гг. под разными именами она получила “прописку” и в академической психологии.

Свобода как осознание: Э. Фромм

Э. Фромм считает позитивную свободу, “свободу для”, главным условием роста и развития человека, связывая ее со спонтанностью, целостностью, креативностью и биофилией – стремлением к утверждению жизни в противовес смерти [21, 22]. Вместе с тем свобода амбивалентна. Она одновременно и дар, и бремя; человек волен принять ее или отказаться от нее. Человек сам решает вопрос о степени своей свободы, делая собственный выбор: либо действовать свободно, т.е. на основе рациональных соображений, либо отказаться от свободы. Многие предпочитают бежать от свободы, выбрав тем самым путь наименьшего сопротивления. Разумеется, все решается не каким-то одним актом выбора, а определяется постепенно складывающейся целостной структурой характера, в которую отдельные выборы вносят свой вклад. В результате одни люди вырастают свободными, а другие – нет.

В этих идеях Фромма заложена двоякая трактовка понятия свободы. Первое значение свободы – это изначальная свобода выбора, свобода решать, принять свободу во втором значении или отказаться от нее. Свобода во втором значении – это структура характера, выражающаяся в способности действовать на основе разума. Иными словами, чтобы выбрать свободу, человек уже должен обладать исходной свободой и способностью сделать этот выбор разумным образом. Здесь есть некоторый парадокс. Фромм, однако, подчеркивает, что свобода – это не черта или диспозиция, а акт самоосвобождения в процессе принятия решения. Это динамичное, текущее состояние. Объем доступной человеку свободы постоянно меняется.

Результат выбора больше всего зависит, конечно, от силы конфликтующих тенденций. Но они различаются не только по силе, но и по степени осознанности. Как правило, позитивные, творческие тенденции хорошо осознаны, а темные, деструктивные – плохо. По мнению Фромма, ясное осознание всех аспектов ситуации выбора помогает сделать выбор оптимальным. Он выделяет шесть основных аспектов, требующих осознания: 1) что хорошо, а что плохо; 2) способ действия в данной ситуации, ведущий к поставленной цели;

3) собственные неосознанные желания; 4) реальные возможности, заключенные в ситуации; 5) последствия каждого из возможных решений; 6) недостаточность осознания, необходимо также желание действовать вопреки ожидаемым негативным последствиям [22]. Таким образом, свобода выступает как действие, вытекающее из осознания альтернатив и их последствий, различения реальных и иллюзорных альтернатив.

Свобода как позиция: В. Франкл

Основной тезис учения о свободе воли В. Франкла [20] гласит: человек свободен найти и реализовать смысл своей жизни, даже если его свобода заметно ограничена объективными причинами. Франкл признает очевидную детерминированность человеческого поведения, отрицая его пандетерминированность. Человек не свободен от внешних и внутренних обстоятельств, однако они не обуславливают его полностью. Согласно Франклу, свобода сосуществует с необходимостью, причем они локализованы в разных измерениях человеческого бытия.

Франкл говорит о свободе человека по отношению к влечениям, наследственности и внешней среде. Наследственность, влечения и внешние условия оказывают существенное влияние на поведение, однако человек свободен занять определенную позицию по отношению к ним. Свобода к влечениям проявляется в возможности сказать им "нет". Даже когда человек действует под влиянием непосредственной потребности, он может позволить ей определять свое поведение, принять его или отвергнуть. Свобода к наследственности выражается в отношении к ней как к материалу — тому, что дано нам в нас же. Свобода к внешним обстоятельствам тоже существует, хотя она конечна и не беспредельна, она выражается в возможности занять по отношению к ним ту или иную позицию. Тем самым влияние на нас внешних обстоятельств опосредуется позицией человека по отношению к ним.

Все эти детерминанты локализованы в биологическом и психологическом измерениях человека, а свобода — в высшем, ноэтическом или духовном измерении. Человек свободен благодаря тому, что его поведение определяется прежде всего ценностями и смыслами, локализованными в этом измерении. Свобода вытекает из фундаментальных антропологических способностей человека к самодистанцированию (принятию позиции по отношению к самому себе) и самотрансценденции (выходу за пределы себя как данности, преодолению себя). Поэтому человек свободен даже по отношению к самому себе, свободен подняться *над собой*, выйти за свои пределы. "Личность — это то, что я есть, в отличие от типа или характера, которым я обладаю. *Мое личностное бытие*

представляет собой свободу — свободу стать личностью. Это свобода от того, чтобы быть именно таким, свобода становиться иным" [32, с. 94].

Свобода как осознание возможностей в рамках судьбы: Р. Мэй

Наше сознание, пишет ведущий теоретик экзистенциальной психологии Р. Мэй [42], находится в состоянии постоянных колебаний между двумя полюсами: активного субъекта и пассивного объекта. Это создает потенциальную возможность выбора. Свобода заключается не в способности быть все время чистым субъектом, а в способности выбирать либо один, либо другой вид существования, переживать себя либо в одном, либо в другом качестве и диалектически двигаться от одного к другому. Пространство свободы — это дистанция между состояниями субъекта и объекта, это некоторая пустота, которую нужно заполнить.

Мэй прежде всего отличает свободу от бунта, который хоть и представляет собой "нормальное внутреннее движение в направлении к свободе" [41, с. 133], однако структурирован той внешней структурой, против которой он осуществляется, и тем самым от нее всецело зависит. "Когда нет тех установленных стандартов, против которых направлен бунт, он лишен силы" [там же, с. 135]. Свобода — это не попустительство, отсутствие плана и цели. Это не жесткая определенная доктрина, ее нельзя сформулировать в виде конкретных установлений, это нечто живое, изменяющееся.

В наиболее общем виде свобода — это способность человека управлять своим развитием, тесно связанная с самосознанием, гибкостью, открытостью, готовностью к изменению. Благодаря самосознанию мы можем прервать цепь стимулов и реакций, создать в ней паузу, в которой мы можем осуществить сознательный выбор нашей реакции [там же, с. 84]. Создавая эту паузу, человек каким-то образом бросает свое решение на чашу весов, опосредует им связь между стимулом и реакцией и тем самым решает, какова будет реакция. Чем менее развито самосознание человека, тем более несвободным он является, т.е. тем в большей степени его жизнью управляют различные вытесненные содержания, условные связи, образовавшиеся в детстве, которые он не держит в памяти, но которые сохраняются в бессознательном и управляют его поведением. По мере развития самосознания соответственно увеличивается диапазон выбора человека и его свобода.

Свобода не противоположна детерминизму, а соотносится с конкретными данностями и неизбежностями (их необходимо сознательно принять), только по отношению к которым она и определяется. Эти данности, неизбежности и ограни-

чения, образующие пространство детерминизма человеческой жизни, Мэй называет судьбой [43]. Парадокс свободы заключается в том, что своей значимостью она обязана судьбе и наоборот; свобода и судьба немыслимы друг без друга. "Любое расширение свободы рождает новый детерминизм, а любое расширение детерминизма рождает новую свободу. Свобода есть круг внутри более широкого круга детерминизма, который, в свою очередь, находится внутри еще более широкого круга свободы, и так далее до бесконечности" [43, с. 84]. Свобода всегда проявляется в соотношении с какими-то реалиями и данностями жизни, как, скажем, потребность в отдыхе и в пище или неизбежность смерти. Свобода начинается там, где мы принимаем какие-то реальности, но не по слепой необходимости, а на основе собственного выбора. Это не значит, что мы уступаем и сдаемся, принимая какие-то ограничения нашей свободы. Наоборот, в этом состоит конструктивный акт свободы. Парадокс свободы заключается в том, что своей жизненностью свобода обязана судьбе, а судьба своей значимостью обязана свободе. Они обуславливают друг друга, не могут существовать друг без друга.

Свобода есть возможность изменения того, что есть, способность трансцендировать свою природу [43]. Делая свободный выбор, мы одновременно в сознании прокручиваем и сопоставляем ряд различных возможностей, при этом еще не ясно, какой путь мы выберем и как будем действовать. Поэтому свобода всегда принципиально имеет дело с возможным. В этом заключается суть свободы: она превращает возможное в действительное благодаря тому, что, принимая в любой данный момент пределы действительного, работает в основном с реалиями возможного. Противоположность свободы – автоматический конформизм. Поскольку свобода неотделима от тревоги, которая сопровождает новые возможности, очень многие люди мечтают только о том, чтобы им сказали, что свобода – это иллюзия и им нет необходимости ломать на этом головы. Цель психотерапии – достичь такого состояния, в котором человек ощущает свободу выбирать свой образ жизни, принимать ситуацию в той мере, в какой она неизбежна, и что-то изменять в той степени, в какой это реалистически возможно. Главная задача психотерапевта – помочь людям приобрести свободу осознания и переживания их возможностей.

Неизбежность зла – это та цена, которую мы платим за свободу. Если человек свободен выбирать, никто не может гарантировать, что его выбор будет таким, а не иным. Восприимчивость к добру означает чувствительность к последствиям своих действий; расширяя потенциальные возможности для добра, она одновременно расширяет возможности и для зла.

*Многоуровневая структура субъектности:
Р. Харре*

В отличие от экзистенциально ориентированных теорий Фромма, Франкла, Мэя и ряда других авторов клинической ориентации, пишущих о проблемах человеческой свободы на языке, близком и понятном для неспециалистов, в академических работах редко встречается понятие "свобода". Как правило, эта проблематика носит названия автономии, самодетерминации или некоторые другие обозначения. Одно из терминологических обличий проблемы свободы представляет собой понятие "эйдженси" (agency), точный перевод которого на русский язык невозможен. Мы считаем, что наиболее правильный его перевод соответствует понятию "субъектность" (речь идет о способности выступать "агентом" или субъектом, т.е. действующим лицом, движущей силой действия).

Одной из наиболее разработанных и признанных является теория субъектности, разработанная Р. Харре [33, 34] в русле его широко известного подхода к объяснению социального поведения (см. [2]). Модель субъекта находится в центре его теории. "Наиболее общим требованием к любому существу, чтобы его можно было считать субъектом, является то, чтобы оно обладало определенной степенью автономии. Под этим я подразумеваю, что его поведение (действия и акты) не полностью детерминированы условиями его непосредственного окружения" [33, с. 246]. Автономия, согласно Харре, предполагает возможность дистанцирования как от воздействий окружения, так и от тех принципов, на которых основывалось поведение до настоящего момента. Полноправный субъект (agent) способен переключаться с одних детерминант поведения на другие, делать выбор между равно привлекательными альтернативами, сопротивляться искушениям и отвлекающим факторам и менять руководящие принципы поведения. "Человек является совершенным субъектом по отношению к определенной категории действий, если и тенденция действовать, и тенденция воздерживаться от действия в его власти" [34, с. 190]. Наиболее глубинным проявлением субъектности являются два вида "самоинтервенции": 1) внимание и контроль над воздействиями (в том числе собственными мотивами и чувствами, которые обычно управляют нашими действиями, минуя сознательный контроль, и 2) изменение своего образа жизни, своей идентичности. Логически в качестве предпосылок субъектности выделяются два условия: во-первых, способность репрезентировать более широкий спектр возможных будущих, чем те, которые могут быть реализованы, и, во-вторых, способность осуществить любое выбранное их подмножество, а также прервать любое начатое

действие. Реальные люди различаются по степени их соответствия этой идеальной модели, а также по способам порождения действия.

Таким образом, детерминация человеческих действий весьма далека от простой линейной причинности. Харре характеризует систему регуляции человеческих действий в кибернетических понятиях многоуровневости и многовершинности. "Это система, которая может исследовать каждое причинное влияние на нее под углом зрения его соответствия набору принципов, встроенному в более высокие уровни системы. Если система многовершинна, высший уровень ее тоже будет сложным, способным переключаться с одной подсистемы этого уровня на другую. Такая система может иметь бесконечное число уровней и на каждом из них – бесконечное число подсистем. Подобная система способна осуществлять горизонтальные сдвиги, т.е. переключать управление нижележащими уровнями с одной подсистемы на другую того же уровня. Она также способна к переключениям на верхние уровни, т.е. к помещению горизонтальных сдвигов под наблюдение и контроль критерияльных систем высших уровней. Эта система – бледная тень тех сложных сдвигов и переключений, происходящих во внутренней активности реальных субъектов" [33, с. 256].

Основная проблема теории Харре заключается в определении этих "критерияльных систем высших уровней". Он говорит о "тайне", которую старается разоблачить ссылкой на "моральный порядок", характеризующий отношения человека к самому себе, проявляющиеся в выражениях типа "Ты в ответе за это перед самим собой", "Не позволяй себе опускаться" и т.п. [34, с. 195]. Неясность этого определения резко контрастирует с логической стройностью и всесторонней продуманностью всего предшествующего анализа.

Теория самоэффективности: А. Бандура

По мнению автора социально-когнитивной теории личности и регуляции поведения А. Бандуры, нет более существенного механизма субъективности, чем убеждения в собственной эффективности. "Воспринимаемая самоэффективность (self-efficacy) – это убеждение в собственных способностях организовать и осуществить действия, требующиеся для того, чтобы произвести данные результаты" [27, с. 3]. Если люди не убеждены, что своими действиями они могут произвести желаемые эффекты, у них мало решимости действовать.

Основой человеческой свободы, согласно Бандуре, является воздействие на себя, которое возможно благодаря двойственной природе Я – одновременно как субъекта и объекта, – и причинно влияет на поведение так же, как и внешние

его причины. "Люди оказывают некоторое влияние на то, что они делают, через альтернативы, которые они принимают в расчет, через прогнозирование и оценку представляемых ими исходов, включая их собственные самооценочные реакции, и через оценку ими своих способностей выполнить то, что они намечают" [там же, с. 7]. Одним из основных проявлений субъектной детерминации является способность людей действовать не так, как это диктуют силы внешнего окружения, а в ситуациях принуждения – сопротивляться ему. Именно благодаря способности воздействия на самих себя люди являются в какой-то мере архитекторами собственной судьбы. Общая формула Бандуры сводится к тому, что "человеческое поведение детерминировано, но детерминировано отчасти самим индивидом, а не только лишь средовыми факторами" [там же, с. 9].

С одной стороны, самоэффективность является универсальным мотивационным механизмом, действующим практически во всех сферах жизнедеятельности, с другой – содержание убеждений самоэффективности специфично для разных сфер. Поэтому-то Бандура считает использование специфических шкал диагностики самоэффективности в разных видах деятельности более целесообразным, чем разработку общего стандартизованного опросника.

Теория самодетерминации и личностной автономии: Э. Деси и Р. Райан

К наиболее авторитетным и разработанным теориям субъектной причинности относится также теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [28–30, 45]. Самодетерминация в контексте данного подхода означает ощущение свободы по отношению как к силам внешнего окружения, так и к силам внутри личности. По мнению авторов, гипотеза о существовании внутренней потребности в самодетерминации "помогает предсказать и объяснить развитие поведения от простой реактивности к интегрированным ценностям; от гетерономии к автономии по отношению к тем видам поведения, которые изначально лишены внутренней мотивации" [29, с. 188]. В последних работах этих авторов на передний план выходит понятие автономии [45]. Человека называют автономным, когда он действует как субъект, исходя из глубинного ощущения себя. Быть автономным тем самым означает быть самоинициируемым и саморегулируемым, в отличие от ситуаций принуждения и соблазна, когда действия не вытекают из глубинного Я. Количественной мерой автономии является то, в какой степени люди живут в согласии со своим истинным Я. Понятие автономии относится как к процессу личностного развития, так и к его результату; первое отражается в эффекте организмической интеграции, а второе –

в интеграции Я и самодетерминации поведения. В свою очередь, автономное поведение ведет к большей ассимиляции опыта и повышению связности и структурированности Я и т.д.

Авторы выделяют три основные личностные ориентации, следуя доминирующим у людей механизмам регуляции их действий: 1) автономную ориентацию, основанную на убеждении о связи осознанного поведения с его результатами; источником поведения выступает при этом осознание своих потребностей и чувств; 2) подконтрольную ориентацию, также основанную на ощущении связи поведения с его результатом, однако источником поведения выступают внешние требования; 3) безличную ориентацию, основанную на убеждении, что результат не может быть достигнут целенаправленно и предсказуемо.

Хотя эти ориентации представляют собой устойчивые характеристики личности, проявляющиеся в индивидуальных различиях, Деси и Райан обосновывают модель постепенного формирования личностной автономии через интернализацию мотивации и соответствующего переживания контроля над поведением: от чисто внешней мотивации через этапы интроекции, идентификации и интеграции к внутренней мотивации и автономии. Автономия предстает в последних работах авторов [45] не просто как одна из тенденций личности, но как универсальный критерий и механизм нормального развития, нарушение которого приводит к различным видам патологии развития. Экспериментальные данные свидетельствуют, в частности, о том, что более высокая автономия коррелирует с большей степенью конгруэнтности поведения и чувств; накоплено большое количество эмпирических данных, посвященных условиям, способствующим и, напротив, нарушающим развитие автономии в процессе личностного развития.

Другие подходы в зарубежной психологии

Вкратце остановимся еще на нескольких подходах к проблеме свободы и самодетерминации в зарубежной психологии. У. Тейджсон (W. Tagesson) [50] в своем синтетическом варианте гуманистической психологии, опираясь не столько на общеантропологические соображения, сколько на конкретные психологические данные, определяет свободу как переживание самодетерминации, связанное с самоосознанием. "Психологическая свобода или сила самодетерминации неразрывно связана со степенью и масштабами самоосознания (self-awareness) и тем самым тесно коррелирует с психологическим здоровьем или аутентичностью" [50, с. 142]. Она формируется в процессе индивидуального развития. Индивидуальной переменной является "зона личностной свободы", которая также варьирует в разных си-

туациях. Тейджсон выделяет три параметра свободы: 1) ее когнитивную основу – уровень когнитивного развития, 2) объем внешних ограничений, 3) подсознательные внутренние детерминанты и ограничения. Ключевым процессом в обретении и расширении свободы является рефлексивное осознание детерминант и ограничений собственной активности. "По мере того как я все больше и больше включаю в поле осознания подсознательные глубины моей личности (или вершины, если я постепенно осознаю ранее скрытые или нереализованные потенции), растет моя психологическая свобода" [там же, с. 441].

Близкие взгляды развивает Дж. Истербрук (J. Easterbrook) [31], уделяющий специальное внимание контролю над базовыми потребностями и тревогой, рождающейся в отношениях с внешним миром. Эффективность контроля и степень свободы оказываются непосредственно связанными с интеллектуальными способностями, обучаемостью и компетентностью.

Дж. Ричлак (J. Rychlak) [46–48] также выдвигает на первый план проблему самодетерминации. Он видит основание свободы в способности самого субъекта, исходя из своих желаний и формулируемых на их основе осмысленных целей, детерминировать собственные действия, включаться в систему детерминации своей активности и ее переструктурировать, дополняя каузальную детерминацию поведения целевой. Основой того, что обычно называют "свободой воли", является, по Ричлаку, диалектическая способность саморефлексии и трансценденции, позволяющая субъекту ставить под вопрос и изменять те предпосылки, на которых строится его поведение.

Анализ проблемы свободы и самодетерминации в постсоветской психологии

В постсоветской психологии за последнее десятилетие также появились оригинальные работы, в которых отдается должное проблематике свободы и самодетерминации личности.

В рефлексивно-деятельностном анализе Е.И. Кузьминой [6] свобода характеризуется через самоопределение человека по отношению к границам своих виртуальных возможностей на основе рефлексии этих границ. Выделяются три аспекта свободы: чувственный (субъективное переживание свободы), рациональный (рефлексия границ возможностей) и действенный (способность реально изменять границы виртуальных возможностей). Свобода, как показывает Кузьмина, связана с возрастными этапами развития, в частности зависит от формирования интеллекта.

В многоуровневой модели личностной саморегуляции Е.Р. Калитеевской и Д.А. Леонтьева (см. [4, 8]) свобода рассматривается как форма активности, характеризующаяся тремя признаками:

осознанностью, опосредованностью ценностным "для чего" и управляемостью в любой точке. Соответственно дефицит свободы может быть связан с непониманием воздействующих на субъекта сил, с отсутствием четких ценностных ориентиров и с нерешительностью, неспособностью вмешиваться в ход собственной жизни. Свобода формируется в онтогенезе в процессе обретения личностью внутреннего права на активность и ценностных ориентиров. Критическим периодом для трансформации детской спонтанности в свободу как осознанную активность является подростковый возраст, когда при благоприятных обстоятельствах осуществляется интеграция свободы (формы активности) и ответственности (формы регуляции) в единый механизм автономной самодетерминации зрелой личности. Психологически неблагоприятные условия развития личности в онтогенезе, связанные с нестабильным самоотношением и отсутствием права на собственную активность, напротив, приводят к переживанию жизни как всецело обусловленной внешними требованиями, ожиданиями и обстоятельствами. Степень развития индивидуальной свободы проявляется в основаниях личностных выборов.

Г.А. Балл [1] определяет свободу в первом приближении через условия, способствующие "гармоническому разворачиванию и проявлению разносторонних способностей личности" (с. 11). Подход Балла к проблеме внутренней или личностной свободы носит скорее описательно-синтетический, чем аналитический характер. Отталкиваясь от первого определения, он формулирует ряд целостных психологических характеристик личности, выступающих в роли таких условий. При этом он практически не касается механизмов самодетерминации и автономии на уровне отдельно взятого действия.

Наконец, необходимо упомянуть концепцию свободной причинности В.А. Петровского [15, 16]. Он идет нетрадиционным путем, сосредоточиваясь на анализе различных аспектов Я как носителей или источников различных видов причинности. Я выступает в этом подходе как субъект свободы, а сама свобода связывается с выходом за пределы предустановленного в деятельности человека – в сферу беспредельного.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Приведенный выше обзор показывает, что, хотя проблематика свободы и самодетерминации личности не входит пока в число традиционных психологических исследований, тем не менее история попыток рассмотреть феномены свободы, автономии и самодетерминации как ключевые для изучения мотивации и личности уже достаточно солидна. Очевидны и "переклички" между

разными авторами, инварианты в понимании свободы. Попытаемся дать наиболее общее определение свободы. Ее можно понимать как *возможность инициации, изменения или прекращения субъектом своей деятельности в любой точке ее протекания, а также отказа от нее. Свобода подразумевает возможность преодоления всех форм и видов детерминации активности личности, внешних по отношению к действующему экзистенциальному Я* (см. [8]), в том числе собственных установок, стереотипов, сценариев, черт характера и психодинамических комплексов.

Выделим ряд узловых, на наш взгляд, аспектов проблемы свободы и рассмотрим их по отдельности.

1. *Множественность и многоуровневость регуляции поведения. Трансценденция.* В теориях В. Франкла и Р. Харре этот аспект проявляется наиболее отчетливо. Процессы взаимодействия человека с миром и регуляция этих процессов осуществляются на нескольких уровнях. Высшие регулирующие инстанции, расположенные на высших уровнях, позволяют субъекту освободиться от детерминирующего влияния низших, трансцендировать их. Летящий самолет не отменяет законы гравитации, но он оказывается в состоянии противопоставить им иные силы и закономерности, преодолевающие их влияние, благодаря тому, что в конструкции самолета эти закономерности тщательно учтены. Сдвиг на более высокий уровень регуляции, трансценденция закономерностей, действующих на нижележащих уровнях, дают человеку относительную свободу, освобождая его от многих видов детерминации (но не от всех). Общий принцип такой трансценденции выражается блестящей формулой Гегеля: "Обстоятельства и мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это" [3, с. 26]. Свобода заключается тем самым в подъеме на более высокий уровень регуляции, на котором преодолеваются остальные. Этот принцип развернут, в частности, в предложенной нами мультирегуляторной модели личности (см. [9]).

2. *Разрывы детерминации. Бифуркационные процессы.* Как, в принципе, можно уйти от законов природы действующих на всех уровнях развития материи? Совместима ли идея полноценной свободы с научной картиной мира в целом? Экзистенциальная психология многим обязана Нобелевскому лауреату по химии И. Пригожину, сделавшему возможным положительный ответ на этот вопрос. Им были открыты так называемые бифуркационные процессы в неживой природе, в определенной точке которых происходит разрыв детерминации; нестабильный процесс может пойти либо в одном, либо в другом направлении, причем этот "выбор" не детерминирован, зависит от случайных факторов [17]. Пусть причинный де-

терминизм непреодолим “в лоб”, он не является сплошным; если даже в неорганических процессах существуют разрывы детерминации, то в человеческом поведении они есть наверняка. “Паузы” между стимулом и реакцией, о которых говорил Р. Мэй, по-видимому, и есть эти точки бифуркации, в которых нет иного детерминизма, кроме детерминирующей силы моего сознательного решения.

3. *Осознание как основа свободы.* Практически во всех подходах, рассмотренных выше, авторы в той или иной форме подчеркивали роль сознания. Безусловно, осознание факторов, влияющих на мое поведение, является решающим в освобождении от их влияния. Но речь идет об осознании не только того, что есть, но и того, чего пока еще нет, — осознании имеющихся возможностей, а также предвосхищении вариантов будущего. Вообще категория возможности, только начинающая входить в лексикон психологов (см. “объяснение с четвертого взгляда” [23]), обладает, на наш взгляд, чрезвычайно высоким объяснительным потенциалом, и ее разработка может существенно продвинуть исследования самодетерминации личности.

Я не могу быть свободным, если не осознаю силы, влияющие на мои действия. Я не могу быть свободным, если не осознаю имеющиеся здесь-и-теперь возможности для моих действий. Я не могу быть свободным, если не осознаю последствия, которые повлекут те или иные действия. Наконец, я не могу быть свободным, если не осознаю, что же я хочу, не осознаю моих целей и желаний. Одно из первых и наиболее четких философских определений свободы, опирающихся на центральную идею осознания, — это определение ее как способности принимать решение со знанием дела [24, с. 112]. Одно из наиболее интересных психологических воплощений идеи осознания — теория потребностей С. Мадди (S. Maddi) [40], который выделяет наряду с биологическими и социальными потребностями группу так называемых психологических потребностей — в воображении, суждении и символизации. Именно доминирование психологических потребностей определяет путь развития личности, который Мадди называет индивидуалистским и который основан на самодетерминации, в отличие от конформистского пути развития, определяемого доминированием биологических и социальных потребностей.

Наконец, еще один аспект проблемы сознания в контексте проблематики свободы связан с уже упоминавшейся фундаментальной ошибкой атрибуции [44]. Из этой тенденции недооценивать роль внешних причин поведения, если находиться в позиции стороннего наблюдателя, и переоценивать их, если занимать позицию действующего субъекта, следует вывод о закономерной слепоте

к собственной субъектности. Ее, однако, можно вылечить или компенсировать, по меньшей мере отчасти, научившись занимать позицию наблюдателя по отношению к самому себе, смотреть на себя “со стороны” или “сверху”. Такое изменение перспективы иногда приходит как инсайт, но поддается и тренингу; оно, насколько мы можем судить по несистематизированному опыту, приводит к существенному увеличению свободы, атрибутируемой самому себе, и помогает увидеть возможности активного изменения ситуации в нужном направлении.

4. *Инструментальные ресурсы свободы.* Этот аспект проблемы свободы лежит на поверхности. Достаточно очевидно, что, хотя определенная степень свободы сохраняется даже в концлагере [20], доступные объемы ее различаются в разных ситуациях. Мы предпочитаем говорить о ресурсах свободы, различая внешние ресурсы, задаваемые объективной ситуацией, и внутренние ресурсы, задаваемые инструментальной оснащенностью субъекта. Первые задают абстрактное поле доступных возможностей в ситуации; вторые определяют, какие из этих возможностей конкретный субъект, обладающий определенными физическими и умственными способностями и умениями, в состоянии использовать, а какие нет. Совокупность внутренних и внешних ресурсов определяет *степень свободы* данного субъекта в данной ситуации.

Поясним это на примерах. Если человеку нужно перебраться через реку, существуют разные возможности: во-первых, поискать мост или брод, во-вторых, пересечь реку на лодке или на плоту, в-третьих, переплыть ее. Но если первые две возможности открыты для любого, третью может принимать в расчет только человек, умеющий плавать. Он в данной ситуации имеет одной возможностью больше и, следовательно, свободнее, чем человек, лишенный этого умения. Умение водить машину, работать с компьютером, говорить на иностранных языках, хорошо стрелять и т.д. и т.п. в соответствующих ситуациях будет давать их обладателю дополнительные степени свободы. Конечно, разные способности и умения различаются по широте спектра ситуаций, в которых они могут принести пользу своему обладателю; например, владение английским языком может принести пользу чаще, чем владение французским или испанским, тем более финским или болгарским. Но это различие носит чисто вероятностный характер; в определенных ситуациях финский может оказаться важнее английского.

Помимо внешних (ситуационных) и внутренних (личностных) инструментальных ресурсов свободы есть еще две их группы, которые занимают промежуточное положение между ними. Во-первых, это социальные ресурсы: социальная

позиция, статус, привилегии и личные отношения, которые позволяют человеку в социальной ситуации действовать так, как другие действовать не могут (пример – “телефонное право”). Эти ресурсы, однако, амбивалентны, поскольку, увеличивая степень свободы с одной стороны, с другой – они увеличивают и степень несвободы, накладывая дополнительные обязательства и вводя дополнительные “правила игры”. Во-вторых, это материальные ресурсы (деньги и другие материальные блага). Они, безусловно, расширяют пространство возможностей, однако “срабатывают” только постольку, поскольку непосредственно находятся в данной ситуации в распоряжении субъекта (но могут быть и отделены от него), в то время как личностные ресурсы носят неотчуждаемый характер.

5. *Ценностная основа свободы.* Речь идет о том, что придает свободе смысл, отличая позитивную “свободу для” от негативной “свободы от”. Освобождение от ограничений недостаточно; чтобы свобода не выродилась в произвол, необходимо ее ценностно-смысловое обоснование. Можно сослаться еще на две близкие по своей сути идеи. Одна из них – это идея “целенаправленности” (“telosponding”) Дж. Ричлака [46–48], предполагающая, что человеческие действия всегда имеют в своей основе систему предпосылок, которые делают действия субъекта последовательными, интеллигибельными и предсказуемыми. Такая система предпосылок, однако, не задана, а выбирается самим субъектом и может быть изменена. Этот акт изменения детерминант своего поведения, представляющий собой уникальное свойство человеческого сознания, Ричлак и называет “целенаправленностью”. Другая идея, подчеркиваемая видным культурным антропологом Д. Ли (D. Lee), – необходимость определенных социокультурных структур для осуществления человеческой свободы [39]. Согласно Ли, эти структуры выступают как ограничивающие свободу лишь для постороннего наблюдателя; с точки же зрения представителя самой рассматриваемой культуры, свобода без них невозможна. Ценностную основу свободы мы связываем с бытийными ценностями по А. Маслоу (A. Maslow) [13], их особой ролью и механизмами функционирования. Этот вопрос заслуживает специального детального рассмотрения (см. [8]).

Завершая данную статью, мы оставляем ее открытой. Наша задача ограничилась постановкой проблемы и указанием основных ориентиров ее более детальной разработки. Самым важным мы считаем сдвиг перспективы рассмотрения человеческих действий, необходимость которого, несомненно, назрела. Это было замечено еще три десятилетия назад. “Ошибка – считать, что поведение должно быть зависимой переменной в пси-

хологических исследованиях. Для самого человека это независимая переменная” [38, с. 33].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балл Г.А. Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 5. С. 7–19.
2. Васильева Ю.А., Леонтьев Д.А. Этогенический подход к изучению социальных отклонений // Иностранная психология. 1994. Т. 2. № 2(4). С. 83–86.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
4. Калитеевская Е.Р. Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 231–238.
5. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990.
6. Кузьмина Е.И. Психология свободы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
7. Леонтьев Д.А. Из истории проблемы смысла в психологии личности: З. Фрейд и А. Адлер // Методологические и теоретические проблемы современной психологии / Под ред. М.В. Бодунова и др. М.: ИП АН СССР, 1988. С. 110–118.
8. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993.
9. Леонтьев Д.А. Три грани смысла // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. О.К. Тихомирова, А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан. М.: Смысл, 1999.
10. Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97–110.
11. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1992.
12. Мамардашвили М.К. Философия – это мужество невозможного // Общая газета. 1993. № 9/11. С. 10.
13. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
14. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: В. 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 5–237.
15. Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов н/Д.: Феникс, 1996.
16. Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 124–144.
17. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
18. Сартр Ж.-П. Тошнота: Избранные произведения. М.: Республика, 1994.
19. Симонов П.В., Еришов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984.

20. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
21. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.
22. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
23. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1.
24. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Политиздат, 1966.
25. Роттердамский Эразм. Философские произведения. М.: Наука, 1987.
26. Bandura A. Human agency in social cognitive theory // *American Psychologist*. 1989. V. 44. P. 1175–1184.
27. Bandura A. Self-efficacy: the exercise of control. N. Y.: W.H. Freeman & Co, 1997.
28. Deci E., Ryan R. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. N. Y.: Plenum, 1985.
29. Deci E., Ryan R. The dynamics of self-determination in personality and development // *Self-related cognitions in anxiety and motivation* / Ed. R. Schwarzer. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1986. P. 171–194.
30. Deci E., Ryan R. A motivational approach to self: Integration in personality // *Perspectives on motivation* / Ed. R. Dienstbier. Lincoln: University of Nebraska Press, 1991. V. 38. P. 237–288.
31. Easterbrook J.A. The determinants of free will. N. Y., 1978.
32. Frankl V. Logotherapie und Existenzanalyse. Muenchen: Piper, 1987.
33. Harre R. Social being. Oxford: Blackwell, 1979.
34. Harre R. Personal being. Oxford: Blackwell, 1983.
35. Hebb D. What psychology is about // *American Psychologist*. 1974. V. 29. P. 71–79.
36. Holt R. Freud, the free will controversy, and prediction in personology // *Personality and the prediction of behavior*. N. Y.: Academic Press, 1984. P. 179–208.
37. Iturrate M. Man's freedom: Freud's therapeutic goal // *Readings in Existential Psychology and Psychiatry* / Ed. K. Hoeller. 1990. P. 119–133.
38. Kelly G. Clinical psychology and personality: the selected papers of George Kelly / Ed. B. Maher. N. Y.: Wiley, 1969.
39. Lee D. Valuing the self: what we can learn from other cultures. Prospect Heights: Waveland Press, 1986.
40. Maddi S. The search for meaning / Eds. W.J. Arnold, M.M. Page. Lincoln: University of Nebraska Press, 1971. P. 137–186.
41. May R. Man's search for himself. N. Y.: Signet book, 1953.
42. May R. Psychology and the human dilemma. Princeton: Van Nostrand, 1967.
43. May R. Freedom and destiny. N. Y.: Norton, 1981.
44. Ross L. The intuitive psychologist and his shortcomings: distortions in the attribution process // *Advances in Experimental Social Psychology* / Ed. L. Berkowitz. N. Y.: Academic Press, 1977.
45. Ryan R., Deci E., Grolnick W. Autonomy, relatedness, and the self: Their relation to development and psychopathology // *Developmental psychopathology* / Eds. D. Cicchetti, D. Cohen. N. Y.: Wiley, 1995. V. 1. P. 618–655.
46. Rycklak J. Discovering free will and personal responsibility. N. Y.: Oxford University Press, 1979.
47. Rycklak J. Introduction to personality and psychotherapy. Boston: Houghton Mifflin, 1981.
48. Rycklak J. The nature and challenge of teleological psychological theory // *Annals of theoretical psychology* / Eds. J.R. Royce, L.P. Mos. N. Y.: Plenum Press, 1984. V. 2. P. 115–150.
49. Sappington A. Recent psychological approaches to the free will versus determinism issue // *Psychological Bulletin*. 1990. V. 108. № 1. P. 19–29.
50. Tateson W. Humanistic psychology: a synthesis. Homewood (Ill.): The Dorsey Press, 1982.
51. Williams R. The human context of agency // *American Psychologist*. 1992. V. 47. № 6. P. 752–760.

THE PSYCHOLOGY OF FREEDOM: TOWARD THE INVESTIGATION OF PERSON'S SELF-DETERMINATION

D. A. Leontiev

Cand. sci. (psychology), docent, department of psychology, MSU, Moscow

The paper presents an attempt to put forward the problem of psychological mechanisms of self-determination underlying human freedom, and to discuss the ways of its solution. Freedom vs. determinism dilemma is discussed with respect to human behavior. The brief overview of main approaches to this problem in Western and Russian psychology is given. Several key aspects of the problem of self-determination are discussed from the theoretical viewpoint, such as the issue of self-transcendence, breaks in determination, the issue of awareness, instrumental resources of freedom, value basis of freedom.

Key words: freedom, self-determination, autonomy, agency, choice.